

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.9.072.43

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА НАРУШЕНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: КУЛЬТУРНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ

И.М. Кыштымова¹, Д.А. Басов²

¹ Иркутский государственный университет (Иркутск, Россия)

² Иркутский региональный колледж педагогического образования (Иркутск, Россия)

Аннотация. Представлены результаты исследования семантики восприятия студентами ситуации нарушения психологической безопасности. В процессе исследования его участники с помощью метода семантического дифференциала оценивали участников ситуации мошенничества. Причем в первом случае действие представлено как происходящее в Нью-Йорке, во втором – в России. Результаты исследования показали, что семантическая оценка ситуации нарушения психологической безопасности, связанная с манипуляцией сознанием жертвы, детерминирована факторами 1) идентификации себя с одним из участников ситуации – манипулятором или его жертвой, 2) национально-культурной идентификацией персонажа. Показана большая критичность студентов к жертве обмана, когда он является русским, нежели к американской жертве. Выявлена тенденция к идентификации себя с жертвой на осознаваемом уровне, с манипулятором – при неосознанной оценке.

Ключевые слова: психологическая безопасность; жертва; мошенник; инкультурация; семантическая оценка.

В условиях активизации процессов разработки и применения технологий манипуляции общественным и индивидуальным сознанием, характерных для современности, проблема психологической безопасности приобретает все большую социальную значимость. Слабая изученность факторов, обуславливающих устойчивость человека к манипуляционным воздействиям, ее механизмов, особенностей сознания жертвы и манипулятора, детерминант готовности к манипуляторному или манипулируемому поведению, методов формирования психологической устойчивости к манипуляционным воздействиям определяет научную актуальность обозначенной проблемы.

Психологический статус понятия безопасности находится в стадии определения, в самом общем понимании психологическая безопасность характеризует состояние отсутствия угрозы психическому здоровью человека, его адаптивности, активности и продуктивности психической деятельности. Соответственно, нарушение психологиче-

ской безопасности связано с воздействиями, «блокирующими способность человека к адекватному реагированию на жизненные обстоятельства, подрывающими его способность к анализу информации и осознанному выбору, снижающими сопротивляемость внешнему давлению, лишаящими человека чувства индивидуальности и личностной ценности» [1. С. 5]. Право человека на психологическую безопасность определено в Декларации ООН о правах человека, Конституции РФ и других законодательных актах. Несмотря на это, ситуация с психологической безопасностью становится все более тревожной. Это связано как с лишением многих людей экономических возможностей для полноценного психологического развития и социальной адаптации, так и с манипуляторными воздействиями, которые целенаправленно применяют как средства массовой информации, так и растущее число предприимчивых обманщиков, пользующихся доверием психологически не защищенных от манипуляционных воздействий людей.

К наименее психологически защищенным категориям адресатов психологических воздействий, на которых направлено скрытое и специально организованное управление их сознанием и поведением, относятся, как известно, дети, старики, люди с ослабленным здоровьем или находящиеся в состоянии измененного состояния сознания (например, в результате переутомления). Кроме того, в группу риска входят подростки и юноши в силу активизации у них потребности в коммуникации и принятии (что прежде всего учитывается при моделировании манипуляционных технологий). Желание разделять коллективные ценности, принадлежать к значимой группе парадоксальным образом сочетаются у подростков и юношей со стремлением к автономии и потребности в самореализации. В юности приобретается та степень психической, идейной и гражданской зрелости, которая делает человека самостоятельной личностью во взрослой жизни, формирует умение составлять собственные жизненные планы, находить средства их реализации [2. С. 192]. Диагностика и формирование психологической устойчивости к манипуляционным воздействиям приобретают для периода студенчества особую важность.

Психологическая безопасность в основном определяется посредством понятия «состояние»; так, Т.С. Кабаченко называет психологической безопасностью состояние информационной среды и условий жизнедеятельности конкретного человека, группы, общества в целом, которое не способствует нарушению целостности, адаптивности (всех форм адаптации) функционирования и развития социальных субъектов (отдельного человека, групп, общества в целом) [3. С. 37]. Сходное определение дает М.Ю. Зеленков: безопасность – состояние, при котором обеспечиваются устойчивое существование и функционирование социальных субъектов, удовлетворение и реализация необходимых для них потребностей и интересов, а также способность к предотвращению

или устранению различного рода угроз, способность к прогрессу и саморазвитию [4. С. 25].

С другой стороны, психологическая безопасность понимается как интегративная характеристика субъекта, отражающая степень удовлетворенности его базисной потребности в безопасности и определяемая по интенсивности переживания психологического благополучия / неблагополучия. [5. С. 9].

Соответственно, предметом психологии безопасности являются условия обеспечения психологической безопасности человека; чувства, побуждения и действия, возникающие у человека в ситуации опасности, а также возможность прогнозирования опасности, угрожающей благополучию человека [3. С. 218], способность противостоять угрозам, психологическая готовность к исполнению роли определенного типа в ситуации психологической опасности.

Безопасность личности определяется особенностями и взаимодействием трех факторов: личностного (реакция человека на опасность), фактора среды или источника опасности (включающего социальный, психологический и физические страты) и фактора защищенности (готовность или неготовность к использованию средств ащиты от тревожных и опасных ситуаций). Заметим, что в ситуации психологической опасности человек может находиться в позиции того, кому угрожают, или того, кто угрожает. Психологическая готовность к роли жертвы или источника опасности также является предметом исследования психологии безопасности.

Исследование психологических особенностей личности, которые влияют на ее психологическую безопасность и поведение в ситуации опасности, обуславливают готовность к противодействию манипуляционным влияниям или даже детерминируют манипуляторное поведение, представляется важной научной задачей. Вклад в ее решение осуществлен в процессе нашего исследования.

Смыслы, которыми наделяет человек состояние опасности, складываются из ее коллективного значения (приписываемого этому типу опасности обществом), а также из влияния ее на восприятие и оценку процессов апперцепции. Оценка опасности происходит на интеллектуальном и эмоциональном уровнях, как и актуализация определенного типа действия в опасной ситуации. Выявлению семантики ситуации нарушения психологической безопасности посвящено наше исследование.

Гипотетическим предположением, верифицируемым в процессе исследования, явилось суждение о том, что семантическая оценка студентами источника психологической опасности (мошенник, манипулятора) и его жертвы обладает значимыми различиями, обусловленными близостью семантики самооценки испытуемых семантике одного из участников ситуации мошенничества. Мы также полагали, что на оценку мошенника может оказать влияние его культурная идентификация.

В исследовании приняли участие 57 человек – студенты педагогического колледжа г. Иркутска и Восточно-Сибирской академии образования. Основным методом исследования явился модифицированный вариант семантического дифференциала Ч. Осгуда (исходный 25-шкальный вариант был усилен дополнительными 25 шкалами для повышения дифференциальных возможностей применительно к специфике оцениваемой ситуации).

В качестве стимульного материала использован сюжет Р. Чалдини о доверчивом человеке и ситуации его обмана [6. С. 238]. Описанная история произошла в Нью-Йорке, по имени героя легко осуществляется его культурная идентификация. Чтобы проверить предположение о зависимости семантической оценки участников ситуации от их культуры, испытуемым предлагали для оценки 2 варианта текста: оригинальный и переработанный в соответствии с российскими реалиями. Приведем примеры обоих текстов.

1. *«Дэниэл, 81-летний бывший работник коммунальной службы, так и не понял, как мошенник убедил его расстаться с 18 тысячами долларов.*

Он помнит свои мечты о богатстве. «Я просто хотел пожить на широкую ногу в последние отведенные мне дни или годы, – говорит Дэниэл. – Когда же я обнаружил чудовищный обман, я не мог какое-то время ни есть, ни спать. Я потерял более 13 килограммов. Я до сих пор не могу поверить, что мог сделать что-либо подобное».

Он помнит вкрадчивый голос позвонившего ему агента. Мошенник представился агентом компании, имеющей эффектно звучащее название и соответствующий адрес. Он предложил ознакомиться с проспектами, в которых рассказывается о деятельности компании. Во время второго телефонного разговора, мошенник рассказал про громадные прибыли, которые может принести предлагаемая сделка, а затем сказал, что пока вклады временно не принимаются. Через некоторое время мошенник позвонил в третий раз и сообщил запыхавшимся голосом, что он «только что пришел из торгового зала, появилась возможность чрезвычайно выгодно вложить деньги».

Мошенник убедил Дэниэла перевести в Нью-Йорк 1 756 долларов, чтобы приобрести серебро. После еще одной серии телефонных звонков агент уговорил его перевести еще 6 тысяч долларов, чтобы купить нефть. Затем мошенники выманили еще 9 740 долларов, но прибыли Дэниэл так и не дождался. «Мое сердце упало, – вспоминает Дэниэл. – Я не был жадным. Я только хотел увидеть лучшие дни».

2. *«Иван, бывший работник коммунальной службы, так и не понял, как мошенник убедил его расстаться с 45 тысячами рублей, которые он откладывал на похороны.*

«Я просто хотел дожить последние отведенные мне дни или годы, – говорит Иван. – Когда же я обнаружил чудовищный обман, я

не мог какое-то время ни есть, ни спать. Я потерял более 10 килограммов. Я до сих пор не могу поверить, что мог сделать что-либо подобное».

Он помнит вкрадчивый голос позвонившего ему агента. Мошенник представился агентом компании, имеющей эффектно звучащее название и соответствующий адрес. Он предложил ознакомиться с проспектами, в которых рассказывается о деятельности компании. Во время второго телефонного разговора мошенник рассказал про большие прибыли, которые может принести предлагаемая им сделка, а затем сказал, что пока вклады временно не принимаются. Через некоторое время мошенник позвонил в третий раз и сообщил запыхавшимся голосом, что появилась возможность чрезвычайно выгодно вложить деньги.

Мошенник убедил Ивана перевести на счет фирмы 3 500 рублей, чтобы приобрести серебро. После еще одной серии телефонных звонков агент уговорил его перевести еще 17 тысяч рублей, чтобы купить акции нефтяной компании. Затем мошенник выманил еще 25 000 рублей, но прибыли Иван так и не дождался».

Оценка текстов происходила в разное время; таким образом, было проведено две серии испытаний. Испытуемые с помощью 50 шкал семантического дифференциала осуществляли оценку трех объектов: жертвы (Дэниэла или, во втором испытании, Ивана), мошенника и самих себя.

На основе полученных данных была составлена матрица смешения размером 50x57, а на ее основе получена корреляционная матрица, которая затем подверглась процедуре факторного анализа методом максимального правдоподобия с вращением факторов варимакс-методом. Для оценки надежности вычисления элементов корреляционной матрицы и возможности ее описания с помощью факторного анализа использовался тест Кайзера–Мейера–Олкина (КМО); его значение составило 0,857, а соответствующий коэффициенту Бартлетта уровень значимости составил 0,00, т.е. данные приемлемы для проведения факторного анализа.

В результате ФА были получены семь факторов, объясняющих после варимакс-вращения 57% суммарной дисперсии переменных. Первый фактор, исходя из значения вошедших в него шкал (решительный (0,999), быстрый (0,768), коммуникабельный (0,740), активный (0,710), проворный (0,703)), назван фактором *активности*. Второй фактор – *эмоциональная оценка* – объединил следующие показатели: свежий (0,775), чистый (0,756), щедрый (0,753), трудолюбивый (0,707), любимый (0,704), добрый (0,703), родной (0,681), хороший (0,660), дорогой (0,623).

Фактор *находчивость* включает шкалы: жизнерадостный (0,666), умный (0,612), внимательный (0,589), острый (0,585), бодрый (0,561),

находчивый (0,560), интересный (0,530); четвертый выделенный фактор – *усердие* – шкалы трудолюбивый (0,564), усердный (0,543); пятый фактор – *простота* – шкалы легкий (0,511), простой (0,471); шестой фактор – *одухотворенность* – объединяет шкалы одухотворенность и самокритичность, седьмой фактор – *слабость* – шкалы унылый, слабый.

Таким образом, при семантической оценке ситуации, связанной с манипуляцией сознанием жертвы и ее обманом, как доминантные оценочные характеристики выступают: активность, эмоциональная привлекательность, находчивость, усердие, простота, одухотворенность и слабость.

Существуют достоверные различия в оценках всех действующих персонажей. Рассмотрим особенности их семантики.

Сопоставление семантики жертвы (Дениэл и Иван) и мошенников с помощью критерия Манна–Уитни показало значимые различия показателей по фактору активности ($p = 0,000$) и фактору эмоциональной привлекательности ($p = 0,000$). Интересно, что уровень активности обоих персонажей невысок (средние значения в обоих случаях отрицательные: $-1,236$ (жертва) и $-0,241$ (мошенник); как манипулятору, так и жертве не атрибутируются свойства активности, что, очевидно, существенно расходится с семантикой физической опасности). При этом мошенник несколько более активен: решителен, быстр, коммуникабелен и проворен, чем жертва.

Оценка как мошенников, так и их жертв по фактору эмоциональной привлекательности также невелика: среднее значение семантики жертв составляет ($-0,053$), мошенников – ($-0,517$). Не только мошенник (что закономерно), но и жертвы эмоционально не привлекательны для юношества. При этом оценка мошенников значительно более негативна – они более «грязные», «ленивые», «злые» и «чужие».

Дифференцированный анализ восприятия испытуемыми мошенников и их жертв показал, что по 41 из 50 оценочных шкал использованного варианта семантического дифференциала выявлены статистически достоверные различия. Причем оценка по некоторым шкалам свидетельствует о том, что мошеннику не всегда приписываются более негативные характеристики: при использовании неявной оценки (метафорические определения без оценочных коннотаций), актуализирующей глубинные бессознательные процессы, он воспринимается более позитивно, чем жертва. Так, в восприятии студентов мошенник более «легкий» и «большой», «упорядоченный» и «горячий» (в отличие от более «хаотичной» и «холодной» жертвы). Он также более «творческий» и «умный».

Интересно, что по шкале «радостный – унылый» и мошенники, и их жертвы получают отрицательные оценки ($-0,81$ и $-1,32$). Это маркирует отношение к самой ситуации обмана и манипуляции, которая воспринимается как тревожная и деструктивная.

Неоднозначность оценок испытуемыми мошенников и жертв в ситуации психологической опасности и потребность в необходимости прогнозирования возможных сценариев поведения обусловили исследование степени близости самооценки испытуемых по шкалам семантического дифференциала с их оценкой участников ситуации мошенничества. Определение статистической значимости различий в семантике образов мошенников и испытуемых показало, что по 15 шкалам оценка идентична (значимость уровня различий недостоверна: $p \geq 0,05$). Причем отсутствие различий фиксируется по шкалам с неявными оценочными коннотациями – испытуемые оценивают себя так же, как мошенников, по характеристикам «легкий», «горячий», «упорядоченный», «влажный» и «острый». Как видим, это те же шкалы, по которым оценка испытуемыми мошенников была достоверно выше, чем оценка жертв. Юноши воспринимают себя такими же «расслабленными», «творческими», «свободными», «усердными», «оптимистичными», «практичными», «внимательными», «отчаянными», «волевыми» и «бодрыми». При этом значимые различия в семантических самооценках и оценках мошенников зафиксированы по шкалам, содержащим явную оценочность: «плохой – хороший», «добрый – злой» и пр. Таким образом, шкалы, предполагающие апелляцию к осознанной оценке, обладают в случае оценки себя и мошенника большей дифференциальной силой. Идентификация же происходит по критериям, апеллирующим к не осознаваемой смысловой оценке.

Статистическое сравнение с помощью критерия Манна–Уитни семантики самооценки студентов с их оценкой жертв показало иные результаты: по 11 оценочным шкалам различий в семантической оценке испытуемыми себя и жертвы не обнаружено ($p \geq 0,05$). Причем семантику этих шкал характеризуют эпитеты с явным оценочным значением: испытуемые такие же «хорошие», как жертвы, «светлые» и «приятные», «добрые» и «мягкие», «щедрые» и «трудолюбивые», «усердные», «практичные» и «бережливые».

Таким образом, мы обнаружили меньшие основания для суждения о близости семантики самих себя с семантикой жертвы, чем о близости самооценки студентов и их оценки мошенника. Причем очевидно содержательное разделение оценок по критерию их осознанности и неосознанности. Думается, полученные результаты, которые, конечно, носят предварительный характер и нуждаются в дальнейшей верификации, позволяют тем не менее предположить, что современные юноши декларативно и на уровне осознанных оценок реализуют социально приемлемые установки, при этом проявляя не осознаваемую готовность к реализации манипуляционных аттитюдов. Такое предположение может в некоторой степени объясняться социально-экономическими условиями становления личности, особенностями современного общества, для которого характерны декларация приори-

тетности традиционных нравственных ценностей и, вопреки этому, очевидная социальная и экономическая успешность тех, кто этих ценностей не разделяет и умело манипулирует сознанием окружающих. Дети бессознательно усваивают представления о таких моделях поведения как успешных.

В процессе исследования верифицировалась также гипотеза о различии семантики манипулятора и жертвы в зависимости от его национальной принадлежности. Именно для этой цели проводилась семантическая оценка двух ситуаций: с американскими и российскими участниками. Мы исходили из суждения о том, что семантика жертвы или мошенника детерминирована не только отношением к такого типа поведению, но и иными переменными – прежде всего национальностью, т.е. на ролевую семантику участников ситуации психологической опасности влияет наделение персонажей культурно-специфичными атрибутами.

Оценка статистической значимости различий семантической оценки жертв – Ивана и Дэниэла – с помощью критерия Манна–Уитни показала достоверность различий по 17 шкалам. Иван оценен как более «слабый» ($p = 0,000$), «робкий» ($p = 0,007$), «медленный» ($p = 0,000$), «мягкий» ($p = 0,006$), «унылый» ($p = 0,013$) и «доверчивый», менее «коммуникабельный» ($p = 0,021$), «находчивый» ($p = 0,004$), «проворный» ($0,003$), «ловкий» ($0,032$) и «оптимистичный» ($0,014$), несмотря на то, что сами ситуации и тип поведения жертв были абсолютно идентичны. Единственным значимым различием в оцениваемых рассказах была национальная принадлежность (имя) героя. Интересно, что по шкалам, не нагруженным явной оценочной коннотацией, также есть достоверные различия в оценках: Иван более «холоден», «сух» и «мягок». Неожиданной явилась оценка Ивана как более «чужого», чем Дэниэл. Такое бессознательное стремление к дистанцированию от русского персонажа-жертвы нуждается в осмыслении и дополнительной экспериментальной проверке.

Оценка математической значимости семантики мошенника в «русском» и «американском» сюжетах показала меньшее количество достоверных различий – лишь по семи шкалам. Русский мошенник воспринимается испытуемыми как более «тяжелый» по сравнению с американским ($p = 0,004$), более «твердый» ($p = 0,030$) и «быстрый» ($p = 0,023$), «умный» ($0,014$) и «находчивый» ($0,030$) и даже более «дисциплинированный», хотя и менее «радостный».

Таким образом, дифференциальные различия, связанные с семантикой национальной принадлежности, проявились в большей степени при оценке жертв – Ивана и Дэниэла. Семантика мошенников оказалась менее чувствительной к влиянию дополнительной переменной – национальной принадлежности. При этом можно констатировать наделение русского мошенника чертами большей жесткости и изощренно-

сти, что может свидетельствовать о более высокой оценке его как источника опасности.

Интерпретационный интерес представляют различия семантической оценки жертв. Мы видим, что в данном случае оценка в значительной степени обусловлена культурными стереотипами. К.А. Абульханова подчеркивала как черту русской ментальности «отсутствие развитого чувства собственного достоинства» [7. С. 23]. В обыденном сознании русским часто атрибутируются такие свойства, как пассивность, медлительность и доверчивость. Герои русских сказок и былин долго лежат на печи, они не предприимчивы и пассивны (медлительны, замкнуты, неповоротливы). Конечно, эти герои обладают массой достоинств, которые в нашем исследовании не нашли отражения в семантике оцениваемых персонажей, что легко объяснить их ролевыми особенностями: манипулятор и жертва.

В целом оценки русского мошенника выше американского, он воспринимается как более активный. Можно провести смысловую параллель с одним из самых популярных и любимых героев отечественной литературы – Остапом Бендером, главным героем романов И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» и «Золотой телёнок», «великим комбинатором», «идейным борцом за денежные знаки». Для него деньги не являлись целью (когда он добился своего, пришло разочарование, апатия), но вот движение к этой цели раскрывало его потенциал, в активности – его реализация. Его авантюризм, находчивость, смекалка, ум, гибкость и беглость («великий комбинатор»), умение найти к человеку подход – все это вызывает восторг у читателя.

По результатам исследования можно констатировать амбивалентное отношение (презрение и в то же время жалость) к русской жертве. Ее оценки гораздо негативней, чем жертвы американской. И такую черту тоже стереотипно отмечают у русских: злорадство, когда другой попадает в беду по своей глупости, наивности, самоуверенности или даже по доброте душевной («сам виноват») и готовность прийти на помощь, когда на смену злорадству приходит сочувствие.

Несмотря на важность учета культурных стереотипов, которые могли оказать влияние на выявленную разницу в семантике американских и русских участников оцениваемой ситуации, нужно понимать, что здесь проявилась тенденция к более критичной и низкой оценке русских персонажей, чем американских. Эту тенденцию можно обозначить как тревожную и связанную с культурными деформациями, происходящими в нашем обществе в последние годы.

Результаты исследования показали, что семантическая оценка ситуации нарушения психологической безопасности, связанная с манипуляцией сознанием жертвы, детерминирована факторами 1) идентификации себя с одним из участников ситуации – манипулятором или его жертвой, 2) национально-культурной идентификацией персонажа.

Показана большая критичность студентов к жертве обмана, когда он является русским, нежели к американской жертве. Выявлена тенденция к идентификации себя с жертвой на осознаваемом уровне, с манипулятором – при неосознанной оценке.

Исследование имело пилотажный характер, его предварительные выводы позволяют сформировать гипотезы о доминантности культурных детерминант при выборе типа поведения в ситуации психологической опасности, которые будут верифицироваться в процессе дальнейшей исследовательской работы.

Литература

1. Пронина Е.Е. Психологическая экспертиза рекламы. М. : РИП-холдинг, 2003.
2. Фельдштейн Д.И. Психология развития личности в онтогенезе. М. : Педагогика, 1989. 208 с.
3. Кабаченко Т. С. Методы психологического воздействия : учеб. пособие. М. : Педагогическое общество России, 2000. 544 с.
4. Зеленков М. Ю. Правовые основы общей теории безопасности Российского государства в XXI веке. М. : Юридический институт МИИТа, 2002. 209 с.
5. Журавлев А.Л., Тарабрина Н.В. Вместо предисловия // Проблемы психологической безопасности / отв. ред. А.Л. Журавлев, Н.В. Тарабрина. М. : Институт психологии РАН, 2012. 440 с.
6. Чалдини Р. Психология влияния. СПб. : Питер, 2013. 304 с.
7. Абульханова К.А. Российский менталитет: кросс-культурный и типологический подходы // Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики / под ред. К.А. Абульхановой, А.В. Брушлинского, М.И. Володиной. М. : Институт психологии РАН, 1997.

SEMANTIC EVALUATION OF THE SITUATION OF VIOLATION OF PSYCHOLOGICAL SAFETY: CULTURAL DETERMINANTS

Kyshtymova Irina M. Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation).

E-mail: info@creativity.ru

Basov Dmitry A. State Funded Professional Educational Institution of Irkutsk Region «Irkutsk Region College of Pedagogic Education» (Irkutsk, Russian Federation).

E-mail: irbis-psy@yandex.ru

Keywords: psychological safety and security; victim; fraud; acculturation; semantic evaluation.

Abstract

The article presents the results of the study of perception semantics by students in case of a disturbing psychological hazard. It also gives a short analysis of principal approaches to the psychological safety.

Hypothetical assumption, verified in the process of research, made it possible to suppose that the semantic evaluation of the source of psychological hazard (a fraud, a manipulator) and his victim is greatly different and is caused by the affinity of the semantics of the self-esteem of those under test to one of the participants of a fraudulent situation. We also expected that the cultural identification might affect the evaluation of a fraud. In the course of the study the participants were evaluating the characters of a fraudulent situation. As a

stimulating material we used, firstly, an original story by P. Chaldin about a trustful man, and the situation describing the way he was deceived, secondly, a modified variant of this test in accordance with the Russian realias. Fifty seven students were subject to tests. A modified method of the semantic differential by Ch. Osgud was used as the main method of the study.

The study enabled us to describe the semantic structure of the evaluation of disturbing psychological safety. We also could find out stylistically the significant differences not only in the semantics of victims and manipulators but also in the semantics of a Russian and an American victims and a Russian and an American manipulators. The fraud is not always given more negative characteristics. When the evaluation was not conspicuous (metaphorical definitions without evaluating connotations) and when it actualized deep unconscious processes, the fraud was taken more positively than the victim.

The study of the degree of affinity of the semantic self-esteem of the participants with their evaluation of the manipulator showed that the scales which imply an appeal to the conscious evaluation possess have a more differential force in case of self-esteem and that of a fraud. They are identified according to the criteria appealing to the unconscious semantic estimation. The obtained results show that the self-esteem of the students is close to their evaluation of a fraud and is different from the evaluation of a victim.

The research demonstrated that the participants assess one and the same situation differently depending on the national and cultural identification of the participants both Russian and American. The Russian fraud is more cruel and cultivated.

The results of the study showed that the semantic evaluation of the situation of the disturbing psychological hazard is determined by the following factors 1) identification of oneself with one of the participants of the situation, 2) national and cultural identification of a character. The students turned out to be more critical towards a Russian fraud than to an American one. It was elicited that one identifies himself with a victim on a conscious level, with a manipulator on an unconscious level.

References

1. Pronina E.E. *Psikhologicheskaya ekspertiza reklamy* [Psychological expertise of advertising]. Moscow, RIP-Kholding Publ., 2003.
2. Fel'dstein D.I. *Psikhologiya razvitiya lichnosti v ontogeneze* [Psychology of personality development in ontogeny]. Moscow, Pedagogika Publ., 1989. 208 p.
3. Kabachenko T.S. *Metody psikhologicheskogo vozdeystviya* [Methods of psychological influence]. Moscow, Pedagogical Society of Russia Publ., 2000. 544 p.
4. Zelenkov M.Yu. *Pravovye osnovy obshchey teorii bezopasnosti Rossiyskogo gosudarstva v XXI v.* [Legal basis of the general theory of safety in Russia in the 21st century]. Moscow, Law Institute of Moscow Institute of Transport engineering Publ., 2002. 209 p.
5. Zhuravlev A.L., Tarabrina N.V. *Problemy psikhologicheskoy bezopasnosti* [Problems of psychological safety]. Moscow, Institute of Psychology Publ., 2012. 440 p.
6. Cialdini R. *Psikhologiya vliyaniya* [Psychology of influence]. Translated from English. St. Petersburg, Piter Publ., 2011. 304 p.
7. Abul'khanova K.A. Brushlinskiy A.V., Volovikova M.I. (eds.) *Rossiyskiy mentalitet. Voprosy psikhologicheskoy teorii i praktiki* [Russian mentality: issues of psychological theory and practice]. Moscow, Institute of Psychology RAS Publ., 1997. 336 p.